

The Concept of Medieval Stasis: From Medieval Studies to Medievalism, from Medievalism to Political Culture

---

Maksym W. Kyrchanoff

Voronezh State University. Voronezh, Russia. Email: maksym_kyrchanoff[at]hotmail.com
ORCID <https://orcid.org/0000-0003-3819-3103>

Received: 24 August 2024 | Revised: 5 October 2024 | Accepted: 16 October 2024

Abstract

The purpose of the article is to analyze the principles of intellectual history of medieval stasis, borrowed from academic medieval studies and brought into modern mass cultural medievalism. The article analyzes, on the one hand, the problems of gradual revision of the theory of medieval stasis in academic historiography, and on the other hand, the features of its positive idealization in medievalism. It is shown that modern medievalism could not fully assimilate the concept of medieval stasis, integrating into intellectual discourse only those of its aspects that allow constructing the image of the Middle Ages as an exceptionally stable period, when social and political changes were not only impossible, but also were unnecessary. It is shown that 1) the concept of medieval stasis in modern historiography is gradually perceived as part of the intellectual history of the medieval studies, 2) medievalism perceives the stability of feudal structures as its positive characteristic, 3) the use of the concept of medieval stasis in modern medievalism allows to construct the preservation of chronologically prolonged images of Middle Ages, 4) within the framework of the idealization of the Middle Ages, modern medievalist discourse synthesizes the “real” and the “magical”, which excludes the development of narrative structure and the transformation of social, economic and political relations and institutions, 5) the archaic vision of the Middle Ages through the prism of stasis confirms the limitations of the cognitive capabilities of medievalism.

Keywords

Middle Ages; Medieval Stasis; Medieval Studies; Medievalism; Historiography; Intellectual History; Popular Culture; Fantasy; Assimilation of Scientific Knowledge; Idealization of the Past

This work is licensed under a [Creative Commons “Attribution” 4.0 International License](https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/)

Концепция средневекового стазиса: от медиевистики к медиевализму, от медиевализма к политической культуре

Кирчанов Максим Валерьевич

Воронежский государственный университет. Воронеж, Россия.

Email: maksym_kyrchanoff[at]hotmail.com ORCID <https://orcid.org/0000-0003-3819-3103>

Рукопись получена: 24 августа 2024 | Пересмотрена: 5 октября 2024 | Принята: 16 октября 2024

Аннотация

Целью статьи является изучение интеллектуальной истории концепции средневекового стазиса, заимствованной из академической медиевистики и привнесенной в современный массовый культурный медиевализм. Медиевистика и медиевализм, воспринимая, воображая, изобретая и конструируя средние века различно, могут использовать одни и те же концепции. В представленной статье проанализированы, с одной стороны, проблемы постепенной ревизии теории средневекового стазиса в академической медиевистике, и особенности его позитивной идеализации в медиевализме, с другой. Автор анализирует, как историки воспринимали характеристики «стабильности» в социально-экономической и политической истории средневековья в академической историографии, постепенно признавая особую и уникальную историческую динамику, свойственную для средних веков. Показано, что современный медиевализм не смог полностью ассимилировать концепцию средневекового стазиса, интегрировав в собственный интеллектуальный дискурс только те ее положения, которые позволяют конструировать образ средних веков как исключительно стабильного периода, когда социальные и политические изменения не только невозможны, но и излишни. В статье показано, что 1) концепция средневекового стазиса в современной медиевистике воспринимается критически как часть интеллектуальной истории изучения средневековья, 2) медиевализм воспринимает стабильность феодального строя как его положительную характеристику, 3) использование концепции средневекового стазиса в современном медиевализме позволяет конструировать чрезмерно хронологически пролонгированные образы средних веков, 4) в рамках идеализации средневековья современный медиевалистский дискурс синтезирует «реальное» и «волшебное», что ограничивает развитие их нарративной структуры и трансформацию социальных, экономических и политических отношений и институтов, 5) архаичное видение средних веков через призму концепции стазиса подтверждает ограниченность познавательных возможностей медиевализма.

Ключевые слова

Средневековье; средневековый стазис; медиевистика; медиевализм; историография; интеллектуальная история; массовая культура; фэнтези; ассимиляция научного знания; идеализация прошлого

Это произведение доступно по [лицензии Creative Commons “Attribution” \(«Атрибуция»\) 4.0](https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/)

Введение

Средневековье – уникальный период в истории цивилизации, который в одинаковой степени привлекает значительное внимание как со стороны профессионального академического сообщества, так и тех интеллектуалов, которые, не являясь профессиональными историками, не имея исторического образования, активно используют средневековые образы в своем творчестве. Первое направление известно как медиевистика и представляет собой академическое изучение истории средневековья с позиций научного исторического знания. Второе направление – это медиевализм. Под медиевализмом в современной историографии понимаются «образы Средневековья, научные и популярны, существующие в современности, а также институции, занимающиеся их производством или их использующие, включая литературу, кинематограф, компьютерные игры... спорт, здравоохранение... рестораны быстрого питания и т.д.» (Савицкий, 2015, с. 346).

Медиевистика и медиевализм возникли в разное время, но развиваются параллельно и зависят друг от друга. Медиевистика может быть источником информации и данных для медиевалистов, в то время как медиевализм не является формой знания. Поэтому его вклад в накопление и развитие знаний об истории средневековья является чрезвычайно скромным. В такой неформальной ситуации «разделения труда» медиевализм занимается исключительно ассимиляцией достижений и успехов академической исторической науки, практически ничего не внося в изучение средневековья. Вместе с тем, принимая во внимание специфику развития общества потребления, медиевистика имеет крайне ограниченный спрос, а медиевализм широко представлен в современном мире, проявляясь в художественной литературе, преимущественно – в книгах жанра фэнтези и в кинематографе, эксплуатируя и используя различные средневековые образы.

Формы проявления медиевализма в современном кино достаточно гетерогенны и разнообразны, варьируясь от псевдоисторических и условно исторических фильмов на средневековые темы до имитаций и симуляций средневековых и псевдосредневековых образов. Несмотря на различное отношение к средневековью и диаметрально противоположное восприятие средневековых реалий, медиевистика и медиевализм связаны самым тесным образом.

Если медиевистика занимается академическим изучением истории средних веков на протяжении последних двух столетий, и многие концепции были отвергнуты и пересмотрены как несоответствующие современному состоянию исторической науки, то медиевализм использует ограниченное число теорий и концепций, которые были им заимствованы из академических исследований средневековья. Среди таких теорий особое место принадлежит теории средневекового стазиса. Если академическая историография на протяжении длительного времени воспринимала средневековое общество как

замкнутое, закрытое, статичное и чрезвычайно консервативное – в плане новаций и изменений – до середины 20 века, то позднее подходы историков стали радикальным образом меняться.

В целом ряде исследований была выявлена уникальная историческая, социальная, политическая, культурная и экономическая динамика, которая была характерна для средневековой истории, и поэтому концепция средневекового стазиса в настоящее время является одной из многочисленных историографических теорий, которые интересны почти исключительно в контекстах истории медиевистики, историографии интеллектуальной истории и археологии идей. Между тем, медиэвализм, представленный преимущественно в литературных и визуальных дискурсах, от теории средневекового стазиса в полной мере не отказался.

Комментируя интеллектуальную историю терминов, которые используются в академической медиевистике, Р. Утц подчеркивает, что «слова и понятия, как известно, не являются ничьей собственностью, и их семантика и способы употребления могут совершать удивительные кульбиты» (Утц, 2018), что и произошло с определением «средневековый стазис», которое в историографии в большей степени стало элементом истории науки, хотя в медиэвализме в целом и в фэнтези, как одной из его форм, активно используется. Большинство авторов, которые работают в дискурсе современного медиэвализма и вовлечены в производство и воспроизводство медиэвалистских образов массового средневековья в современной культуре потребления (Кирчанов, 2021), предпочитают воспринимать и описывать общества, позиционируемые ими в качестве средневековых, как статичные и чрезвычайно консервативные, которые не подвергаются изменениям и существуют в исключительно стабильных условиях и социально-экономических ситуациях.

Таким образом, теория средневекового стазиса стала той концепцией, которая содействовала определенному сближению медиевистики и медиэвализма по чисто формальным критериям, но, вместе с тем, она привела к расхождению академической историографии средневековья и массовых представлений о средних веках, которые воплощены в медиэвализме. Интеллектуальная история этой концепции отразила те изменения, которые она пережила на протяжении 20 – первой четверти 21 века, когда было актуализировано ее фактически фронтальное состояние на стыке научного знания и имитации науки, на границе массовой культуры и политической идеологии. С одной стороны, теория средневекового стазиса была фронтальной по своей природе, на уровне ее миграции из академической медиевистики в направлении масс-культурного медиэвализма. С другой, ее фронтальная природа стала заметна в результате постепенного перетекания концепции из масс-культы в сферу политики, когда усилиями правых интеллектуалов медиэвалистский дискурс из культурного и развлекательного стал превращаться в политический и идеологический. Последняя тенденция проявилась в использовании концепции

средневекового стазиса для критики политических изменений и легитимации «правой» альтернативы прогрессу и модернизации, основанной на позитивной идеализации стабильности, формально свойственной средневековым институтам и отношениям.

Цель и задачи

В центре внимания в представленной статье будут проблемы средневекового стазиса как одной из историографических теорий медиевистики, с одной стороны, и активно используемой концепции, которая призвана легитимировать разного рода средневековые образы, существующие в современном медиевалистском дискурсе в их связи с политической и идеологической конъюнктурой, с другой. Целью автора является изучение соотношения теории средневекового стазиса в академической историографии и современным медиевализме как научного концепта и изобретенной политической традиции, то есть ее миграции между «воображаемыми» фронтами академической историографии (медиевистики), массовой культуры (медиевализм) и тенденций политической и идеологической инструментализации.

В число задач автора входит: 1) изучение основных подходов, которые были предложены в академической медиевистике в отношении такого качества средневековой истории как стазис; 2) выявление основных особенностей восприятия средневекового стазиса в медиевалистском дискурсе в контекстах литературы, с одной стороны, и через ? политической инструментализации концепции, с другой; 3) изучение перспектив изменения восприятия средневекового общества как чрезвычайно стабильного и застойного в современном медиевализме в условиях влияния на соответствующий дискурс со стороны профессиональной академической медиевистики, которая несколько десятилетий назад подвергла теорию средневекового стазиса радикальной ревизии и пересмотру.

Методология и историография

Методологически представленная статья основана на принципах, предложенных в рамках междисциплинарной историографии. Автор полагает, что изучение теории средневекового стазиса возможно через призму истории идей, интеллектуальной истории и археологии идей потому, что эти подходы позволяют проанализировать восприятие средневекового общества как стабильного, застойного в динамике, то есть рассмотреть, каким образом академическая историография воспринимала средневековые социумы, актуализируя такое их социально-экономическое измерение как стабильность. Постепенно, благодаря усилиям нескольких поколений историков, было доказано, что средневековые общества в значительной степени отличались от того видения и восприятия, которые продвигала более ранняя историография: было

доказано, что для средневековья была присуща особая и уникальная историческая динамика, которая вела к значительным изменениям.

Эти проблемы были в центре академической медиевистики, сфокусированной на изучении социальной, экономической и политической истории средних веков, в рамках которой средневековье в большей или меньшей степени интерпретировалось, исходя из принципов историзма, внутренней и внешней критики источников, рефлексий относительно историографического наследия и современной историографии. К концу 20 века в англо-американской историографии наряду с изучением собственно средневековья возникло новое междисциплинарное направление, сфокусированное на изучении медиевализма – анализе восприятия и образов средних веков в пост-средневековых исторических, социальных, культурных и интеллектуальных ситуациях.

Российский историк Е. Савицкий, комментируя особенности этого историографического направления, подчеркивает, что американские интеллектуалы, включая историков, филологов и искусствоведов, активно издают работы, которые «возмутили бы исследователя, воспитанного на уважении к принципу историзма. Эти тексты мало известны в России, потому что выглядят странными, не соответствующими академическим критериям, которые до сих пор воспроизводятся в российских университетах. Недостаточная рецепция такого рода исследовательской литературы – очевидное свидетельство сохраняющегося разрыва в теоретических горизонтах, непонимания некоторых базовых посылок, которые с 1970 – 80-х годов существенно влияют на производство исторического знания в США и в какой-то мере в Западной Европе» (Савицкий, 2016, с. 64). В данном контексте речь идет об исследованиях, сфокусированных по большей части на изучении не собственно истории средних веков, но более поздних представлений о ней, то есть о медиевализме, анализ форм и проявлений которого показывает, как в истории идей, интеллектуальной истории и археологии идей менялись представления западных интеллектуалов о средневековье.

Методы интеллектуальной истории, в свою очередь, позволяют рассмотреть, как и каким образом медиевализм, то есть представления о средневековье, которые доминируют в массовой культуре общества потребления, ассимилировали и интегрировали в собственные дискурсы достижения академической историографии. Комментируя подобные попытки со стороны медиевалистов, представители академического сообщества указывают на то, что их подходы являются гетерогенными, так как сочетают художественное воображение с ограниченным использованием исследований при крайне низком уровне владения источниками (Finn, 2019). Средневековье в такой версии медиевализма крайне условно и отражает почти исключительно те его видения, которые доминируют в массовой культуре, частично основанной на восприятии средних веков как периода стазиса и отсутствия перемен.

Такая ситуация стала следствием избирательности интересов медиевалистов, которые предпочли изучить научные исследования о средневековых войнах, проигнорировав при этом «академические тома об изменении моделей землепользования» (Carroll, 2017). Таким образом, используя достижения интеллектуальной истории, мы можем рассмотреть и проанализировать, как и каким образом сосуществовали и соразвивались различные взгляды на концепцию средневекового стазиса как в академической историографии, так и в массовом культурном дискурсе, ограниченном медиевализмом.

Средневековый стазис: между медиевистикой и медиевализмом

Несмотря на то, что в историографии высказывается мнение, согласно которому между профессиональными историками-медиевистами и «любителями» на современном этапе нет особых различий (Utz, 2017, p. 81), анализируя концепцию средневекового стазиса в медиевализме, во внимание необходимо принимать не только факторы, влияющие на восприятие средних веков, но и последовательно разграничивать категории «медиевистика» и «медиевализм». Растущий интерес к медиевализму стал следствием того, что «Средневековье в значительной степени есть поле исторического консенсуса» (Филлюшкин, 2017), что позволяет подвергать его идеализации.

Во-первых, медиевализм представляет собой не научное, но преимущественно культурное, литературное, интеллектуальное и медийное направление, в рамках которого средневековые образы оказались среди наиболее популярных в массовой культуре (Sturtevant, 2018). Во-вторых, генетически медиевализм связан с западной медиевистикой, наследуя некоторые ее традиции и периодически актуализируя и реанимируя теории, от которых современная историческая наука отказалась как от устаревших в силу того, что они не могут адекватно описать изучаемый предмет – средневековые общества Запада и социально-экономические отношения в их рамках. Медиевистика и медиевализм предлагают и формируют различные видения средних веков. Сосуществование этих двух версий средневекового прошлого свидетельствует о том, что «монополия на обладание исторической истиной» (Олейников, 2021a) в отношении истории средневековья, которой ранее владели медиевисты, не только была поставлена под сомнение, но фактически ликвидирована медиевалистами, которые действуют вне академической системы координат.

В-третьих, в такой ситуации, вероятно, не существует жесткой границы между медиевистикой и медиевализмом, а пространственные отношения между ними представляют собой культурный фронт, основанный на обмене идей, хотя последний носит преимущественно односторонний характер, так как академическая историография обеспечивает медиевалистов не только фактами средневековой истории, но и теми методологическими подходами,

которые позволяют интегрировать их в медиевалистский дискурс. В-четвертых, сама идея средневекового стазиса в современном медиевализме возникла под влиянием ранних представлений об истории средневековья, которые в значительной степени формировали негативный образ последнего, вообразая средние века как провал между античностью и новым временем.

В-пятых, восприняв идею стазиса, медиевалисты ее творчески трансформировали, совершенно иначе расставив оценочные акценты: если для гуманистов, просветителей и первых профессиональных медиевистов стабильность средневековья воспринималась как проявление культурной и экономической деградации в сравнении с предшествующей античностью, то для медиевалистов 20 – 21 вв. эта стабильность, наоборот, стала положительным фактором, который подвергался последовательной идеализации и позитивной мифологизации.

Эти факторы, с одной стороны, самым существенным образом повлияли на развитие концепции средневекового стазиса, содействуя ее миграции из академической медиевистики в массово-культурный медиевализм. С другой, необходимы примеры, которые иллюстрировали бы как академическую судьбу подхода в историографии, так и его последующие трансформации после того, как он стал элементом медиевалистского дискурса современной массовой культуры общества потребления.

В целом, анализируя восприятие средневекового стазиса в современном медиевализме, во внимание следует принимать и то, что наибольшее развитие концепция и ее критическое переосмысление и продвижение в литературе получили в США – государстве, в истории которого средневековья не было. Американский историк-медиевист Пол Б. Стертевант в связи с этим подчеркивает, что «в Северной Америке просто не было Средних веков... это может быть удивительно или даже спорно – даже среди историков – но важно признать, что “Средние века” – это не просто временная категория, но и географически и культурно специфичная» (Sturtevant, 2014), в значительной степени востребованная в литературном воображении американской массовой культуры, в рамках которой средневековье оказывается хронологически пролонгированным, если не в исторической реальности, то в текстах, формирующих медиевалистский дискурс, что позволяет некоторым историкам писать о появлении интеллектуального и культурного феномена «вневременного медиевализма» (Русанов, 2019, с. 18).

Соотнесение медиевистики и медиевализма в современной историографии, вероятно, может быть описано через призму взаимозависимости и противоречий между историцизмом и презентизмом. По мнению американского историка Джеффри Р. Уилсона, «историцист хочет понять мир, презентист – изменить его. У историцистов и презентистов – разные цели: историцист хочет знаний, презентист – справедливости. Историцист хочет быть ученым, презентист – политиком» (Wilson, 2019). В этом контексте медие-

вализм, представленный агентами массовой культуры, не только формально свободен от академических рамок и ограничений историографии, но открыто превращает средние века в объект как политизации, так и идеологизации, что позволяет воспринимать Средневековье не в формате социально-экономической истории институтов и отношений феодального общества, но в контексте актуальной идеологической ситуации, наделяя стабильность средних веков позитивными политическими качествами, противопоставляя ее нестабильности новой истории.

Анализируя концепцию средневекового стазиса, таким образом, следует разграничивать медиэвистику и медиэвализм. И медиэвистика, и ее более позднее производное, представленное медиэвализмом, дефиницию «средневековый стазис» использовали крайне редко, но как историки-медиэвисты, так и медиэвалисты фактически описывали это состояние, применяя разные нарративные стратегии – от конструирования академического нарратива до более позднего масс-культурного дискурса. Следует признать, что интеллектуалы и сами ответственные за то, что медиэвализм столь активно ассимилировал некоторые академические концепции. Утверждение американского экономиста и историка экономики Дж. Хикса, полагавшего, что феодализм «без каких-либо реорганизаций может существовать многие столетия» (Хикс, 2003, с. 26), в дискурсе медиэвализма фактически получило широкое распространение, будучи интегрированным в его визуальные и нарративные формы.

Проблемы средневекового стазиса в академической медиэвистике

На протяжении длительного времени нарративные стратегии академической историографии воспроизводили представления о средних веках как периоде, который характеризовался устойчивой стабильностью.

Для описания последней в научной литературе использовались различные модусы. Советский историк-востоковед Л. Алаев конструировал образ средневековья как эпохи доминирования феодальных отношений и институтов, которые, по его мнению, отличались устойчивостью. В качестве проявлений последней он позиционировал: 1) активное использование в хозяйственной деятельности железных орудий; 2) доминирование сельского хозяйства над другими сферами деятельности; 3) преобладание мелкого (крестьянского и ремесленного) хозяйства, в котором один и тот же человек принимал хозяйственные решения и сам их исполнял; 4) наследственность занятий и связанная с ней натуральность экономики; 5) общинность и стабильность социальной жизни; 6) стабильная иерархическая структура общества (Алаев, 2009).

Эти характеристики описывали не только феодализм как систему, но фактически подчеркивали такое ее качество как стабильность, поразительная устойчивость и адаптивность, что позволило социальным, политиче-

ским и экономическим отношениям феодального типа в различных регионах мира сохраняться на протяжении длительного времени. Другой советский и российский историк Л. С. Васильев и вовсе подчеркивал, что «феодализм как явление не привязан к какой-либо из исторических эпох» (Васильев, 2007, с. 40), фактически указывая как на его универсальность, так и устойчивость. Советский и российский историк-медиевист А. Я. Гуревич, комментируя стабильность средневекового общества, указывал на то, что для таких социумов были характерны «относительно жесткие статусы, стабильные социальные категории», что превращало «социальную мобильность в несвойственную» (Гуревич, 1970, с. 218) ему категорию.

Несмотря на формальные отличия, подобные нарративные конструкции в медиевистике содержательно и концептуально были очень близки, и хотя историки практически не использовали термин «средневековый стазис», они, тем не менее, находили проявления социальной устойчивости и поразительной экономической стабильности в истории средневекового Запада, а в ряде случаев проецировали стазисные явления и на не-европейские модели феодальных отношений. В целом, попытки локализовать стабильность и устойчивость в рамках средневековой модели отношений формально были очень удобны, особенно – для тех историков, которые были чужды свободы мысли и методологического поиска.

Вместе с тем, в научном сообществе всегда есть интеллектуалы, склонные подвергать ревизии более ранние концепции. Например, в советской медиевистике среди историков, которые усомнились в статичности и стабильности феодализма, то есть не были готовы описывать средние века исключительно при помощи понятия стазиса, особую роль сыграл А. Я. Гуревич, указывавший на важность осознания и признания того, что «социально-политическая действительность Средневековья, заметно утратив смысловую монолитность, все яснее обнаруживает существенное многообразие и несводимость к простым и универсальным формулам» (Гуревич, 2002, с. 42), призванным описать, в том числе, адаптивность его институтов через дискурс стазиса.

Если советские и российские историки-медиевисты практически не использовали понятие «средневековый стазис», хотя проблемы стабильности отношений и институтов они описывали, то в западной историографии его применение вполне допустимо и легитимно, хотя и применяется преимущественно в англо-американской исторической науке. Французские историки этого понятия избегали, хотя некоторые из них фактически описывали подобные явления, что нашло отражение в применении ими концепции «Долгого Средневековья». Например, Ж. Ле Гофф о стазисе не писал, но указывал на «сохранность базовых общественных структур» на протяжении средневековой истории, что позволяло констатировать «неразрывные связи, скрепляющие европейское общество на протяжении пятнадцати веков, с IV по XIX в.» (Ле Гофф, 2001, с. 35). В этом контексте сама идея средневекового стазиса обретала новые измерения, актуализируя представления о средних

веках не просто как о периоде застоя, но как чрезвычайно пролонгированном этапе в истории.

Западными историками понятие «стазис» воспринимается фактически как изобретенная историографическая традиция, активно используя в качестве иллюстрации в сравнительных исследованиях по истории средних веков (Hesk, 2006). «Средневековый стазис» в междисциплинарной истории обозначает совокупность представлений об обществе средних веков как о социуме, который только формально был стабильным, но фактически оказался изменчивым и адаптивным к внутренним вызовам. В целом, концепция средневекового стазиса в современной историографической ситуации описывает не просто ситуацию стагнации в средневековой Европе, но состояние, параллельное развитию (Symons, Wellesley, Bintley, 2017, p. 3). В современной историографии понятие «средневековый стазис», с одной стороны, используется как аллюзия, призванная показать и подчеркнуть такие качества средних веков как динамизм и трансформация. С другой, если ранее через призму стазиса описывались преимущественно социально-экономические институты и воспроизводимые в их рамках отношения, то в современной историографии это понятие трансплантируется в более широкие культурные контексты, включая историю религии (Bintley, 2017; Shapland, 2017), материальной культуры (Herman, 2017), восприятие пространства (Boulton, 2017), средневековые тексты (Symons V, 2017; Birkett, 2017; Locker, 2017), развитие политической культуры (Thomson, 2017), трансформацию представлений о животном мире (North, 2017) и историю моды (Sylvester, 2017). В рамках такого видения средневековый стазис актуализирует в современной историографии такое свое качество как гетерогенность, что позволяет при помощи понятий «развитие» и «застой» анализировать культурные изменения в контекстах более широких социальных трансформаций.

Таким образом, концепция стазиса в западной и российской медиевистике на протяжении ее истории подверглась значительным изменениям. Принимая во внимание наличие устойчивой связи и взаимозависимости между медиевистикой как академической дисциплиной о средних веках и медиевализмом как преимущественно масс-культурными представлениями о средневековье, было бы логичным предположить, что медиевализм адаптировал свои видения средних веков к достижениям академической исторической науки, но этого фактически не произошло. Поэтому современный медиевалистский дискурс фактически воспроизводит и актуализирует через тексты в жанре фэнтези устаревшие представления о социальной, политической и экономической истории средних веков, подменяя динамичные процессы развития состоянием стазиса.

Средневековый стазис: от медиевистики к медиевализму

Значительное число текстов, которые формируют канон современного литературного медиевализма, могут быть локализованы в рамках жанра фэнтези. Такие произведения воспроизводят нарративы, которые продвигают позитивно идеализированное видение средних веков, пока далекое от политики, но основанное на их положительной мифологизации.

Во-первых, практически все воображаемые миры, которые сконструированы в рамках фэнтезийного литературного дискурса, обладают продолжительной историей, намеренно и сознательно насыщенной событиями, что, по мнению авторов таких текстов, придает сходство этим мирам с реальной земной историей. Проблема в том, что, несмотря на наличие истории, преимущественно и почти исключительно событийной, социальная, политическая и культурная динамика в таких воображаемых средневековых мирах отсутствует. Во-вторых, если мы воспринимаем медиевализм как вторичное явление по отношению к медиевистике, то, с социально-экономической точки зрения, большинство фэнтезийных миров основаны на доминировании натурального хозяйства в сфере экономики, а политически представляют собой нестабильные и рыхлые государства со слабой королевской властью. Медиевалистский дискурс интегрирует в пространства художественной литературы академические представления о натуральном хозяйстве и феодальной раздробленности, правда, существенно их упрощая.

В-третьих, фэнтези как форма развития медиевализма не только ассимилирует некоторые идеи академической медиевистики, связанные с представлениями о феодальной раздробленности, натуральной экономике и королевской власти. Такая ассимиляция стала возможной в силу того, что «в среде историков распространено умолчание, предполагающее, что историческая наука нейтральна по отношению к потенциальным способам ее использования. Но риторика “чистой науки” опасна, и сама по себе обладает политическими последствиями» (Яцык, 2019, с. 47), которые и оказались воплощены в медиевализме, ответившим на запрос на стабильность. Поэтому медиевализм и актуализирует свое качество «инструмента политического влияния» (Андросова, 2022, с. 5). В этом отношении медиевалистская риторика среагировала на запросы общества, которое нуждалось в романтических легендах, имитирующих средневековые образы (Филюшкин, 2018, с. 154). Поэтому медиевализм создал идеализированные хронологически пролонгированные воображаемые средневековья, которые в силу стабильности избежали буржуазных мутаций, революций и, как следствие, появления либерализма, так как для последнего и других идеологий в современном медиевализме нет места.

Если, по мнению М. Бойцова, Средневековье никогда не было в состоянии составить сколь бы то ни было серьезную конкуренцию Модерну, став его второстепенным партнером (Бойцов, 2019, с. 173), то акторы современного медиевализма, наоборот, попытались эту ситуацию изменить, что привело к

идеализации средних веков. Кроме этого, если в академической науке предполагается, что средние века – объект для изучения, то образы средних веков в современном медиевализме – это то, что «должно быть возрождено и чему следует подражать» (Verduin, 2009, p. 9). Именно в таком понимании лежит радикальное расхождение между медиевистикой и медиевализмом. Будучи свободными от формальных академических требований и ограничений, авторы, работающие в этом жанре, активно интегрируют в миры феодального типа магию в качестве элемента повседневной культуры.

Последняя выступает в качестве фактора, который консолидирует сложившуюся модель отношений, блокируя перемены и изменения, фактически ставшие ненужными, так как технический прогресс подменен действиями магического свойства. В этой ситуации медиевализм актуализирует опыт средневековой истории, воспринимая феодализм – феодальные отношения и институты – как универсальные формы. Именно поэтому в рамках медиевализма был предложен консервативный интеллектуальный и культурный ответ на идеологии современности (Utz, 2019, p. 48), что и предопределило позитивную идеализацию средневековой стабильности в медиевалистском дискурсе.

По мнению российского исследователя А. Олейникова, «историк, занимаясь своей работой, должен всеми силами избегать какого бы то ни было публичного употребления истории» (Олейников, 2021b), но в рамках медиевализма это формальное ограничение оказывается неэффективным, так как представители современной массовой культуры не только не избегают такого использования истории, о чем, например, пишет А. Олейников, но, наоборот, открыто ее инструментализируют, превращая свое видение средневековья в политически и идеологически детерминированное восприятие прошлого, в рамках которого характеристики стабильности определяются как положительные. Усилиями авторов, формирующих дискурс современного медиевализма, конструируется модель классического феодального общества, в значительной степени отличающегося от его реальных исторических форм, имевших место в истории западной цивилизации в том плане, что в этой региональной разновидности феодализма не получили развитие тенденции, приведшие в истории Запада к кризису феодальной модели и началу новой истории.

Средневековый стазис в дискурсе классического литературного медиевализма

Проявления средневекового стазиса заметны в значительной части текстов, которые мы можем локализовать в рамках медиевалистского дискурса. Формально эти тексты, образующие корпус условно «классических» источников по культурной и интеллектуальной истории медиевализма, написаны разными авторами, их сюжеты отличны друг от друга событийно и содер-

жательно, но практически все такие произведения актуализируют определенные стереотипы о средневековье, которые получили развитие и распространение в рамках массовой культуры общества потребления. При этом, анализируя формы стазиса в подобных произведениях, автор в данном контексте вынужден придерживаться «широкого» восприятия самого явления «медиевализм», относя к его литературным проявлениям не только фэнтезийные тексты, чья причастность к медиевализму в принципе сомнений не вызывает, но и некоторые другие произведения, которые только фиксируют некоторые внешние атрибуты медиевализма.

Генезис понятия «средневековый стазис» в современном медиевализме не связан изначально с актуализацией средневековых образов или их имитацией. Впервые ситуация, чрезвычайно близкая по своим качественным характеристикам к средневековому стазису, была описана американским писателем-фантастом Робертом Ховардом в цикле произведений, посвященных Конану (Howard, 1932). Р. Ховард хронологически локализовал действие романов о Конане, ограничив их «Хайборийской эрой» (Howard, 1938), датировав последнюю 20000 и 9500 годами до н. э., что явно не соотносится с принятыми как в медиевистике, так и медиевализме представлениями о средневековье. Несмотря на такое временное несовпадение, Хайборийская эра как «историческое» явление актуализирует большинство родовых признаков, характерных для средневекового стазиса.

Если с формальной точки зрения этот продолжительный период был насыщен событиями, фактически динамика и развитие социальных, политических и экономических отношений и институтов для него не были характерны, то в нарративной структуре романов о Конане развитие подменено действием, ни причины, ни последствия которого не получают объяснения. В этом отношении Р. Ховард в значительной степени предвосхитил нарративные стратегии, реализованные позднее в рамках медиевалистского дискурса, легитимировав своих условных преемников и наследников в их стремлении игнорировать динамику, что позволило им оставлять социально-экономическое и политическое измерения создаваемых миров без объяснений.

Позднее этот прием стал классическим в литературе фэнтези, которая составила «твердое ядро» современного литературного медиевализма. Майкл Муркок (Moorgock, 1979) в своих фэнтезийных текстах избегал столь долгих и пролонгированных хронологий и периодизаций, но, тем не менее, создаваемые им миры актуализировали системные характеристики состояния средневекового стазиса. В отличие от Р. Ховарда, М. Муркок сделал важный шаг в направлении легитимации состояния стазиса, так как ввел в нарративные структуры своих произведений магию и магическое в качестве системных элементов. Магия в таких воображаемых мирах была шагом в сторону от рациональности, а привнесение волшебного в сюжет автоматически освобождало автора от необходимости интерпретации и рационального объяснения социального и политического измерений таких миров.

Фактически магия, привнесенная в фэнтезийные тексты, которые актуализировали, симулировали или имитировали средневековые реалии, позволяла авторам избегать пространных социально-экономических экскурсов в политические и идеологические реалии конструируемых ими воображаемых миров, оставляя потребителям такой литературы возможность самим сформировать свой взгляд на социальные, политические и экономические институты воображаемых миров. В целом же, введение магического компонента стало освобождением жанра от необходимости логической и рациональной интерпретации процесса, так как магия редуцировала историю до совокупности событий. Более того, интеграция в фэнтезийный нарратив волшебного компонента привела фактически к ненужности прогресса как такового.

Поэтому благодаря Р. Ховарду и М. Муркоку историческое в медиевализме оказалось редуцированным до простой событийности, лишенной социально-политической логики и структуры. Этими же приемами фактически активно пользовались (в большей или меньшей степени) и другие писатели, которые в своих фэнтезийных текстах имитировали и симулировали средневековые образы, что привело к актуализации в общественном сознании запроса на условно правильное прошлое. Последнее явление в историографии обозначается как ретротопия, представляя собой «тоску по прошлому, идеализацию того, что было и безвозвратно ушло» (Bauman, 2017, p. 10). В случае с медиевализмом такая ностальгия отягощается актуализацией волшебных уровней фэнтезийной литературы и характерным для нее антимодерновым нарративом, что придает такому медиевализму реакционный характер, так как средневековое прошлое с его стабильностью становится универсальным ориентиром для тех авторов, которые разочаровались в проекте современности (Ионов, 2018), предпочитая в противовес ему идеализировать средние века. Такая структура медиевалистского нарратива в массовой культуре свидетельствует о том, что фэнтези, как форма функционирования медиевализма, с одной стороны, и как литературный жанр, с другой, несмотря на свойственную ему поверхностность и ориентацию на развлечение читателя-потребителя, тонко чувствуют конъюнктуру, в рамках которой «линейная схема модерна “прошлое – настоящее – будущее” утратила свой важнейший компонент, с которым была связана идея прогресса – будущее» (Филюшкин, 2022, с. 19), что и позволило воспроизводить многочисленные средневековые миры, центральным качеством которых стал стазис.

Внешние стимулы для преодоления средневекового стазиса

В американской историографии в первой половине 2010-х гг. Кэролин Диншоу определила непрофессиональных любителей средневековой культуры в качестве важных участников изучения Средневековья (Dinshaw, 2012). К тому времени едва ли не большинство из них на протяжении как минимум полувека

составляли писатели, которые, работая в жанре фэнтези, внесли существенный вклад в идеализацию средних веков. Урсула Ле Гуин (Le Guin, 1968) абсолютизировала волшебство-магический фактор, что фактически делало прогресс в воображаемый ею мирах политически ненужным и социально-экономически излишним.

В целом литературный медиевализм последовательно воспроизводил характеристики стазиса, что стало общим местом медиевалистского дискурса в массовой литературе, но из подобной универсальной логики развития были и исключения. Например, Эндрю Нортон (Norton, 1970) конструирует в начале 1970-х гг. стабильные и статичные миры с политическими отношениями и социально-экономическими институтами, близкими к средневековым, где перемены могли быть спровоцированы только вмешательством извне. Несколькими годами ранее, в первой половине 1960-х гг., в СССР вышли два произведения Аркадия и Бориса Стругацких «Трудно быть богом» (Стругацкий, Стругацкий, 1964) и «Попытка к бегству» (Стругацкий, Стругацкий, 1962), которые по формальным критериям сложно локализовать в рамках классического медиевалистского дискурса. Тем не менее, оба текста актуализируют проблемы формально средневекового феодального общества, которое развивается в рамках модели, основанной на стабильности и недопущении изменений. Последние становятся возможны только в результате целенаправленного и намеренного вмешательства извне, когда представители более развитых инопланетных цивилизаций фактически начинают в местных «феодальных» реалиях играть роль первых «буржуазных» революционеров».

В некоторой степени близкий, но весьма упрощенный, подход представлен в прозе американского писателя Кр. Сташеффа (Stasheff, 1969), где формально исследователь с Земли оказывает в инопланетном обществе феодального типа, но не использует свои знания для его изменения, а наоборот, выдает технические достижения за магию, что усиливает в таком социуме тенденции к консервации отношений и институтов. Таким образом, если для представителей академической историографии «ясно, что “Средневековье” – это историографическая условность, если угодно, этикетка» (Филиппов, 2014, с. 472) или изобретенная традиция, то для практикующих медиевалистов средние века – предмет последовательной положительной мифологизации и идеализации, самой сильной характеристикой которой является стабильность.

Политизация средневекового стазиса в медиевализме

В 1990-е гг. в американской и российской литературе появились два литературных цикла, «Песнь льда и огня» Дж. Мартина в США и «Волкодав» М. Семеновой в России (Семенова, 1995), которые не только отразили общие тенденции интеллектуальной ситуации, связанные с ростом «резких антипрогрессистских настроений» (Бязрова, 1999), но и претендо-

вали на актуализацию медиевализма и его ревитализацию, стремясь интегрировать в традиционные развлекательные нарративные структуры более детальные описания политических, социальных и экономических институтов и отношений.

Тексты, связанные с романом М. Семеновой «Волкодав» (Молитвин, 1995), в значительной степени оказались вторичными. Подобные произведения пытались трансплантировать в пространства российской массовой литературы медиевалистскую стилистику, заимствованную из произведений западного, к тому времени сложившегося фэнтезийного канона. Более того, они были фактически вторичны и в отношении ранних формально «исторических» текстов самой М. Семеновой. По мнению критиков, «ранние королевства галлов и бургундский двор, простоватый францисканский топор и гигантский требушет – это всё Средневековье, но очень разное» (Кудряшов, 2024), что учитывается некоторыми авторами, которые используют в своих текстах ресурс медиевализма. Последнее, правда, совершенно чуждо для текстов М. Семеновой, которая фактически подменяет логику исторического процесса стабильностью, не изображающей средневековые реалии, но симулирующей последние.

Вклад М. Семеновой в развитие российской версии медиевализма представляется незначительным в силу вторичности ее текстов, созданных под европейским влиянием со стороны крайне правых интеллектуалов. Например, для текстов М. Семеновой, в рамках которых имитируются средневековые реалии, характерно неприятие идеи прогресса и идеализация средневековья в качестве его универсальной альтернативы. Ален де Бенуа, один из интеллектуальных лидеров французских новых правых, критикуя саму идею прогресса, подчеркивал, что она «дала серьезную трещину. Никто уже больше не верит в то, что материальный прогресс делает человека лучше, а прогресс, достигнутый в одной области, автоматически перекидывается на другие... за те преимущества, которые он дает, приходится платить дорогой ценой... урбанизация породила многие социальные патологии, а промышленная модернизация вызвала беспрецедентную деградацию естественной жизни... Прогресс наук не воспринимается как нечто, приносящее человечеству безусловное благо» (Benoist, 2013). Все эти фобии правых нашли отражение в текстах М. Семеновой, которые воспроизводят медиевалистский дискурс, так как фактически они основаны на идеализации принципов сословности феодального общества, позитивной мифологизации крестьянской экономики и неверии в потенции науки, которая в фэнтезийной прозе заменена магией.

Тексты М. Семеновой основаны на последовательной идеализации состояния стазиса не только оттого, что воспроизводят и имитируют в российских литературных реалиях стилистические особенности западного

медиевализма, но и в силу того, что представляют собой форму политической ретропии, трансплантированной в литературу. Медиевалистский дискурс в такой версии сочетает качества презентизма и ретропии. Презентизм в имитируемом М. Семеновой медиевализме сводится к попыткам не интерпретировать, но конструировать средневековые образы, исходя из современной политической и идеологической конъюнктуры. Такая форма медиевализма заменяет и подменяет собой историческое сознание, которое «практически не оглядывается на прошлое (как домодерные эпохи) и не всматривается в будущее (как эпоха модерна). В прошлом она способна видеть только свое отражение, а в будущем не нуждается вовсе» (Олейников 2021а), что в максимальной степени и проявляется в идеализация средневековья как периода стабильности, которой, по мнению некоторых медиевалистов, так не хватает современности. Что касается ретропии, то она, по мнению А. Хаустовой, не только «может стать источником художественного вдохновения и необычных образов... в этом смысле ее потенциал поистине велик» (Хаустова, 2022), но и рискует превратиться в форму легитимации политической ностальгии, в рамках которой на средние века проецируются идеологические стереотипы современности.

Идеализируя Средние века, воспроизводя условно свойственную им стабильность в число положительных характеристик, российские представители медиевализма синтезируют дискурс средневекового стазиса с нарративами ретропии, что стало следствием их «страха будущего и надежды на нечто невозможное ни логически, ни по существу... ретропия представляет собой явление реакции как в социально-психологическом, так и в политическом смысле» (Сандомирская, 2020, с. 166). В этом отношении проявления стазиса в отечественном литературном медиевализме в силу их вторичности, симуляционного характера и имитационной природы фактически представляют собой «эффект фантазматически ностальгирующего воображения» (Сандомирская, 2020, с. 166).

Симуляционный медиевализм, характерный для текстов М. Семеновой, не только идеализирует состояние средневекового стазиса, но и существенно расширяет характеристики этого состояния стабильности, которое, по мнению медиевалистов, было характерно для обществ средневековья. В такой версии медиевализма информация о средневековом прошлом не воспринимается через призму науки, но «пропускается через фильтры сознания, модифицируется, иногда “фальсифицируется”... В качестве значимых факторов такой селекции выступают текущие социальные условия и обстоятельства, ситуационно вариативные контексты интеракции и социокультурные ценностные паттерны» (Подвойский, 2015). В медиевализме образы средних веков конструируются именно в рамках подобной логики, так как именно она

позволяет подвергать факты средневековой истории последовательной селекции, идеализируя одни и игнорируя другие.

В текстах М. Семеновой в состоянии средневекового стазиса интегрируются и те качества, которые для феодальных обществ не были характерны. Поэтому на имитируемые средневековые реалии проецируется «национальная солидарность и нетерпимость по отношению к другим народам, с одной стороны, и классовая солидарность вкупе с ненавистью по отношению к другим социальным группам» (Копосов, 2020, с. 149). Российский литературный медиевализм идеализирует негативные качества средних веков, воспринимая, наряду со стабильностью, «бесчеловечное, инструментальное отношение к людям, попирающее представление о гуманизме, равенстве, правах и свободах личности» (Хапаева, 2018) как положительное явление. В этом отношении средневековый стазис в российском медиевалистском дискурсе трансформируется, обретая политические и идеологические измерения.

По мнению ряда историков, процессы социальной, политической и культурной модернизации предусматривают со стороны как элит, так и общества «выбор адекватных целей, траекторий развития, рационализации форм социального контроля и управления, приведения их в соответствие с задачами социального прогресса» (Ершов, 2022, с. 11). Триумф медиевализма, основанного не только на позитивной идеализации средних веков, но и романтизации состояния средневекового стазиса как явления отрицающего и исключаящего развитие, визуализируя зависимость медиевализма от идеологической и политической конъюнктуры. Актуализация в художественных текстах положительно воспринимаемого стазиса указывает на правые (или крайне правые) взгляды авторов, формирующих и воспроизводящих медиевалистский дискурс в современной массовой литературе.

Медиевализм в прозе М. Семеновой, основанной на идеализации и позитивном восприятии состояния средневекового стазиса, фактически носит политический и идеологический характер, а литературные функции такого медиевалистского дискурса подвергнуты максимальной редукции. Вместо этого политическая компонента, наоборот, максимализируется. Поэтому подобная форма медиевализма покидает пространство массовой культуры, мигрируя в направлении политики, и превращается в «убежище от страха перед будущим», которое локализуется «в ностальгической области ретрообразов, с готовностью предлагаемых массовой культурой, создавая иллюзию островков безопасности» (Шапинская, 2022, с. 51). В такой ситуации современный российский медиевализм фактически подменяет собой историческую политику, занимаясь секьюритизацией памяти, что ведет к форматированию коллективной памяти не профессиональным академическим сообществом, но авторами, предлагающими альтернативные мемори-

альные культуры, основанные на идеализация средних веков, реализуемой в медиевализме.

Несмотря на симуляцию оригинальности, тексты М. Семеновй воспроизводят набор тех клише, которые ранее, с одной стороны, успешно были апробированы в англо-американской фантастике, включая наличие общества, имитирующего феодальное, что проявляется в политической раздробленности, одновременном и параллельном действии нескольких феодалов-героев, отсутствии перемен. С другой стороны, наличие в романе условно «инопланетных» персонажей, в отличие от прозы Э. Нортон и А. и Б. Стругацких, не является стимулом для изменений. Таким образом, социальные, политические и экономические реалии воображаемых миров М. Семеновй не только прописаны, в сравнении с другими текстами в жанре фэнтези, крайне поверхностно, но и фактически иллюстрируют состояние средневекового стазиса.

Средневековый стазис в современном «высоком» медиевализме

В наивысшей степени состояние средневекового стазиса выражено в современном «классическом» метатексте, который формирует медиевалистский канон – цикле Джорджа Мартина «Песнь льда и огня» (Martin, 1996). Если для XX века Умберто Эко как «писатель, исследователь, и публичный интеллигент может служить одним из символов медиевализма в культуре» (Русанов, 2019, с. 21), то в первой четверти 21 века подобную роль играет, вероятно, Дж. Мартин. Серия «Песнь льда и огня» состоит из ряда текстов, которые визуализируют социальные и политические реалии воображаемого мира, формально локализованного в средневековых реалиях, но фактически пребывающего в состоянии затяжного и пролонгированного Предвозрождения. На это указывает как универсальность феодальной модели развития, так и значительная адаптивность средневековых институтов и возникающих в их рамках отношений.

Воображаемый мир Дж. Мартина представляет собой пример классического высокого средневековья, где политические единицы фрагментированы, центральная королевская власть существует, но не столь сильная и влиятельная, в отличии от влияния крупных лордов, а ее авторитет нестабилен и подвержен политической эрозии. В связи с этим критики указывают на системную особенность текстов Дж. Мартина, в которых фиксируется средневековый стазис. По мнению Дж. С. Морина ситуация стазиса в прозе Дж. Мартина, с одной стороны, стала следствием его обширных знаний в средневековой истории (Morin, 2015). С другой, во внимание следует принимать и изменившееся в современном обществе отношение к истории

в целом. Комментируя современную культурную ситуацию, российский историк А. И. Филюшкин подчеркивает, что «особенностью постмодерной эпохи, в которой сегодня существует человечество, является, помимо всего прочего, исчезновение будущего как значимой социокультурной категории» (Филюшкин, 2018, с.156). Именно поэтому в массовом историческом сознании актуализируется запрос на стабильность, которая ассоциируется с прошлым, в данном случае – со средними веками.

Такая ситуация стала следствием того, что большинство носителей культуры потребления формирует свое видение и представления о средневековье, исходя не их академической, но массовой культурной традиции, в рамках которой медиевалистский дискурс нередко ограничен фэнтезийной литературой. Таким образом, в воображаемом мире Дж. Мартина мы можем обнаружить характеристики, присущие именно феодализму, включая доминирование натуральной экономики. В данном контексте, в отличие от других произведений в жанре фэнтези, которые могут быть отнесены к медиевалистскому дискурсу, речь идет именно об институтах и отношениях, так как мир, созданный Дж. Мартином, получил детальные интерпретации с социально-экономической точки зрения (Кирчанов, 2022b) в соответствующих исторических нарративах (Martin, Antonsson, Garcia, 2014), имитирующих академический нарратив (Martin, 2018).

В целом, перечисленные выше особенности социальных и политических отношений (Kyrchanoff, 2018), которые Дж. Мартин распространил на созданный им мир, соотносятся с характеристиками состояния средневекового стазиса с той только разницей, что политические, социальные и экономические пространства цикла фиксируют не просто зрелый феодализм, но уникальный пример феодального общества, где хронологические границы, известные по истории западной цивилизации, нарушены. Поэтому Дж. Мартин, как и другие медиевалисты, применяет универсальные стратегии деконструкции. Эти авторы «деконструктивистски утверждают, что первичными не являются ни реальность, ни ее репрезентация, пытаясь уйти от предшествовавшей им диалектики познания» (Савицкий, 2016, с. 70), что позволяет создать мир условно средневековый или относительно успешно имитирующий средневековье (Кирчанов, 2022a). Это достигается путем абсолютизации его характеристик, включая проявления статичности, которые в реальной истории средневекового Запада не очень успешно конкурировали с тенденциями, приведшими к кризису феодальной модели развития.

Кроме этого, как и в других фэнтезийных текстах, в качестве фактора, который содействовал сохранению состояния консервативной социальной и экономической стабильности, выступает магия, которая фактически делегитимирует технический прогресс. Поэтому этот уникальный пример средневе-

кового стазиса может быть описан как пролонгированное позднее средневековье, а именно, тенденции к централизации власти, формированию раннего абсолютизма и генезиса новых социально-экономических отношений раннекапиталистического типа, в отличие от истории Запада, оказались чрезмерно продолжительными.

Выводы

В современной академической историографии большинство историков воспринимает утверждения о средневековом стазисе как конструкт предшествующих поколений историков и своеобразный интеллектуальный реликт, унаследованный от более ранней историографии. Если академическая историческая наука 19 – первой половины 20 века воспринимала средневековое общество в качестве исключительно стабильного в силу негативного отношения к средним векам, унаследованного от просветителей, то медиэвализм, наоборот, возвел качества стабильности феодальных социумов в число их политических и социально-экономических добродетелей, воспринимая последние как сильные характеристики такого типа обществ.

Если в рамках академической медиэвистики средневековое общество признавалась статичным и в незначительной степени склонным к развитию и изменениям только на протяжении определенного времени, что вполне нормально, так как это был только один из этапов в истории изучения средневековья, то для медиэвализма оказалось характерно более консервативное и последовательное отношение к использованию теории средневекового стазиса. Поэтому если в академической медиэвистике большинство историков отказались от восприятия средневекового общества как исключительно стабильного, то дискурс стазиса активно используется в современном медиэвализме, трансплантируясь из одного медиэвалистского произведения в другое.

Подобный «застой» свидетельствует об ограниченности внутренних ресурсов современного медиэвализма и его ориентации почти исключительно на запросы потребителей. С одной стороны, медиэвализм, не будучи наукой, является отражением коллективных представлений о средневековье в массовой культуре, ориентируясь в первую очередь на запросы рынка, которому выгодны образы средневековья как исключительно застойного и стабильного времени. Такое видение, вероятно, отражает социальный и культурный запрос современных потребителей на стабильность и порядок, проявления которого они склонны находить и видеть в средневековых обществах.

Вместе с тем современная академическая историография отказалась от восприятия средневековых обществ как исключительно стабильных,

то есть теория средневекового стазиса стала одним из историографических концептов, который в настоящее время не признается значительный частью представителей академического сообщества, став эпизодом в истории медиавистики. Между тем, медиавализм продолжает активно использовать и эксплуатировать ресурсы концепции средневекового стазиса. Это связано с тем, что медиавализм является независимой интеллектуальной формой восприятия средних веков, основанной на ассимиляции достижений академической историографии. Подобная ассимиляция носит ограниченный характер, что позволяет актерам массовой культуры, вовлеченным в воспроизводство и функционирование медиавалистского дискурса, игнорировать те исследования в области истории средних веков, авторы которых показывают, что для феодального общества была характерна не только стабильность, но и уникальная динамика.

Таким образом, теория средневекового стазиса в современном медиавалистском дискурсе стала одной из изобретенных традиций, отказ от которой или ее ревизия представляются крайне сомнительными, так как образы средневековья как исключительно периода стабильности эффективно и успешно продаются в современной культуре общества потребления, что делает пересмотр сложившейся ситуации маловероятным.

Список литературы

- Bauman, Z. (2017). *Retropia*. Polity.
- Benoist, A. (2013, January 20). *Brève histoire de l'idée de progrès* [A Brief History of the Idea of Progress]. <https://www.alaindebenoist.com/2013/01/20/breve-histoire-de-lidee-de-progres/> (In French)
- Bintley, M. D. J. (2017). Beacons of Belief: Seasonal Change and Sacred Trees in Britain from Prehistory to the Later Middle Ages. In M. D. J. Bintley, M. Locker, V. Symons, & M. Wellesley (Eds.), *Stasis in the Medieval West?* (pp. 27–45). Palgrave Macmillan US. https://doi.org/10.1057/978-1-137-56199-2_2
- Birkett, T. (2017). Stitched Up? Cynewulf, Authorial Attribution and Textual Stasis in Anglo-Saxon England. In M. D. J. Bintley, M. Locker, V. Symons, & M. Wellesley (Eds.), *Stasis in the Medieval West?* (pp. 107–125). Palgrave Macmillan US. https://doi.org/10.1057/978-1-137-56199-2_6
- Boulton, M. (2017). Art History in the Dark Ages: (Re)considering Space, Stasis, and Modern Viewing Practices in Relation to Anglo-Saxon Imagery. In M. D. J. Bintley, M. Locker, V. Symons, & M. Wellesley (Eds.), *Stasis in the Medieval West?* (pp. 69–86). Palgrave Macmillan US. https://doi.org/10.1057/978-1-137-56199-2_4
- Carroll, S. (2017, November 28). *Race in A Song of Ice and Fire: Medievalism Posing as Authenticity*. The Public Medievalist. <https://publicmedievalist.com/race-in-asoif/>
- Dinshaw, C. (2012). *How Soon Is Now?: Medieval Texts, Amateur Readers, and the Queerness of Time*. Duke University Press. <https://doi.org/10.1515/9780822395911>

- Finn, K. (2019, May 16). *Game of Thrones is Based in History: Outdated History*. The Public Medievalist. <https://publicmedievalist.com/thrones-outdated-history/>
- Heck, G. W. (2006). Chapter 1 Medieval Christian Europe in Stasis. In G. W. Heck, *Charlemagne, Muhammad, and the Arab Roots of Capitalism* (pp. 13–40). Walter de Gruyter. <https://doi.org/10.1515/9783110202830.113>
- Herman, M. (2017). The More Things Change, the More They Stay the Same: Decorative Continuity in Early Anglo-Saxon England. In M. D. J. Bintley, M. Locker, V. Symons, & M. Wellesley (Eds.), *Stasis in the Medieval West?* (pp. 47–68). Palgrave Macmillan US. https://doi.org/10.1057/978-1-137-56199-2_3
- Howard, R. (1932). The Phoenix on the Sword. *The World of Robert E. Howard*. <https://reh.world/stories/the-phoenix-on-the-sword/>
- Howard, R. (1938). *The Hyborian Age*. LANY Cooperative Publications.
- Kyrchanoff, M. W. (2018). Historical grand narratives of the Seven kingdoms of Westeros: From invention to deconstruction of a traditional medieval historiography. *Journal of Frontier Studies*, 1, 17–46. <https://doi.org/10.24411/2500-0225-2018-00002>
- Le Guin, U. K. (1968). *A Wizard of Earthsea*. Parnassus Press.
- Locker, M. (2017). There and Back Again: Creating the Pilgrimage Experience in Text. In M. D. J. Bintley, M. Locker, V. Symons, & M. Wellesley (Eds.), *Stasis in the Medieval West?* (pp. 143–153). Palgrave Macmillan US. https://doi.org/10.1057/978-1-137-56199-2_8
- Martin, G. (1996). *A Game of Thrones*. Bantam Spectra – Voyager Books.
- Martin, G. (2018). *Fire and Blood*. Bantam Books.
- Martin, G., Antonsson, L., & Garcia, E. (2014). *The World of Ice & Fire: The Untold History of Westeros and the Game of Thrones*. Harper Voyager.
- Moorcock, M. (1979). *Warriors of Mars*. Daw Books.
- Morin, J. S. (2015, June 16). *Medieval Stasis: Why is Fantasy Trapped in the Past*. J.S. Morin. <https://www.jsmorin.com/2015/06/medieval-stasis/>
- North, R. (2017). Sleeping Dogs and Stasis in The Franklin's Tale. In M. D. J. Bintley, M. Locker, V. Symons, & M. Wellesley (Eds.), *Stasis in the Medieval West?* (pp. 205–230). Palgrave Macmillan US. https://doi.org/10.1057/978-1-137-56199-2_11
- Norton, A. (1970). Long Live Lord Kor! *Worlds of Fantasy*, 1(2), 50–72.
- Shapland, M. (2017). The House of Stilled Time: Stasis and Eternity in Anglo-Saxon Churches. In M. D. J. Bintley, M. Locker, V. Symons, & M. Wellesley (Eds.), *Stasis in the Medieval West?* (pp. 127–141). Palgrave Macmillan US. https://doi.org/10.1057/978-1-137-56199-2_7
- Stasheff, Ch. (1969). *The Warlock in Spite of Himself*. Ace Books.
- Sturtevant, P. B. (2014, August 21). *American Medieval*. The Public Medievalist. <https://publicmedievalist.com/american-medieval/>
- Sturtevant, P. B. (2018, May 22). *The Middle Ages in Popular Imagination*. The Public Medievalist. <https://publicmedievalist.com/ma-popular-imagination/>
- Sylvester, L. (2017). Dress, Fashion, and Anti-Fashion in the Medieval Imagination. In M. D. J. Bintley, M. Locker, V. Symons, & M. Wellesley (Eds.), *Stasis in the Medieval West?* (pp. 253–270). Palgrave Macmillan US. https://doi.org/10.1057/978-1-137-56199-2_13

- Symons, V. (2017). Set in Stone or Food for Worms: The Stasis of Writing in the Exeter Book Riddles. In M. D. J. Bintley, M. Locker, V. Symons, & M. Wellesley (Eds.), *Stasis in the Medieval West?* (pp. 87–105). Palgrave Macmillan US. https://doi.org/10.1057/978-1-137-56199-2_5
- Symons, V., Wellesley, M., & Bintley, M. D. J. (2017). Introduction: Stasis in the Medieval West? Questioning Change and Continuity. In M. D. J. Bintley, M. Locker, V. Symons, & M. Wellesley (Eds.), *Stasis in the Medieval West?* (pp. 1–26). Palgrave Macmillan US. https://doi.org/10.1057/978-1-137-56199-2_1
- Thomson, S. C. (2017). Configuring Stasis: The Appeal to Tradition in the English Reign of Cnut the Great. In M. D. J. Bintley, M. Locker, V. Symons, & M. Wellesley (Eds.), *Stasis in the Medieval West?* (pp. 179–204). Palgrave Macmillan US. https://doi.org/10.1057/978-1-137-56199-2_10
- Utz, R. (2017). *Medievalism: A Manifesto*. Amsterdam University Press. <https://doi.org/10.1515/9781942401032>
- Utz, R. (2019). Medievalism: Whence and Whither? *Vox Medii Aevi*, 2, 48–51.
- Verduin, K. (2009). The Founding and the Founder: Medievalism and the Legacy of Leslie J. Workman. In K. Fugelso, C. A. Simmons, D. R. VanBenthuyzen, E. Haymes, E. Emery, E. Walker Heady, G. Orgelfinger, G. Morgan, K. Verduin, M. J. Toswell, M. B. Spencer, N. H. Petersen, T. Shippey, & W. Wunderlich (Eds.), *Studies in Medievalism XVII* (pp. 1–27). Boydell and Brewer. <https://doi.org/10.1515/9781846157639-002>
- Wilson, J. R. (2019). *Historicizing Presentism: Toward the Creation of a Journal of the Public Humanities*. MLA Profession. <https://profession.mla.org/historicizing-presentism-toward-the-creation-of-a-journal-of-the-public-humanities/>
- Алаев, Л. Б. (2009). Средневековый тупик. *Средние века*, 70(1–2), 77–81.
- Андросова, Я. С. (2022). Медиевализм как форма политики памяти в современной Европе. *Российский журнал исследований национализма*, 1–2, 4–12.
- Бойцов, М. А. (2019). Средневековье – в «реальности» или только в нашем сознании? *Vox medii aevi*, 2, 169–178. <https://doi.org/10.24411/2587-6619-2019-00019>
- Бязрова, Д. Б. (1999). Проблема прогресса в социальной философии XX века. *Философия и общество*, 4, 110–122.
- Васильев, Л. С. (2007). *Всеобщая история: Т. 2. Восток, Запад и средние века*. КДУ.
- Гуревич, А. Я. (1970). *Проблемы генезиса феодализма в Западной Европе*. Высшая школа.
- Гуревич, А. Я. (2002). Средневековье как тип культуры. В В. В. Иванов (Ред.), *Антропология культуры* (Вып. 1, сс. 39–55). Объединённое гуманитарное издательство.
- Ершов, Ю. Г. (2022). Идеологический миф в обществе сорванной вестернизации. *Koinon*, 3(2), 9–25. <https://doi.org/10.15826/koinon.2022.03.2.013>
- Ионов, А. (2018, июль 10). Раньше будущее было лучше! Как вера в светлое завтра сменилась ностальгией. Мир фантастики. <https://www.mirf.ru/worlds/svetloe-buduschee-nostalgiya>
- Кирчанов, М. В. (2021). Медиевализм: Изобретение традиции (множественные Средневековья интеллектуальной истории 19 – 21 веков: От литературной “классики” к массовой культуре. Ритм.
- Кирчанов, М. В. (2022a). (Де)конструкция исторической наррации современного американского медиевализма: «изобретение» социальной и политической истории Семи Королевств Вестероса. *Современные исследования социальных проблем*, 14(3), 48–73. <https://doi.org/10.12731/2077-1770-2022-14-3-48-73>

- Кирчанов, М. В. (2022b). Имитация и симуляция средневековой наррации в современном медиавализме: Особенности структуры и ее (де)конструкции. *Современные исследования социальных проблем*, 14(3), 14–47. <https://doi.org/10.12731/2077-1770-2022-14-3-14-47>
- Копосов, Н. Е. (2022). Ретрополитика, или Историческая память, демократия и популизм. *Koinon*, 1(1-2), 144–163. <https://doi.org/10.15826/koinon.2020.01.1.2.007>
- Кудряшов, И. (2024, июль 24). Как создать средневековый сеттинг. Мир фантастики. <https://www.mirf.ru/worlds/kak-sozdat-srednevekovyj-setting>
- Ле Гофф, Ж. (2001). В поддержку долгого средневековья. В *Средневековый мир воображаемого* (с. 31–38). Прогресс.
- Молитвин, П. (1995). *Спутники Волкодава*. Азбука – Терра.
- Олейников, А. (2021a, апрель 26). Современная историчность и политика времени. Либеральная миссия. <https://liberal.ru/authors-projects/sovremennaya-istorichnost-i-politika-vremeni>
- Олейников, А. (2021b, июль 2). Другой презентизм. Либеральная миссия. <https://liberal.ru/authors-projects/drugoj-prezentizm>
- Подвойский, Д. (2015, ноябрь 3). Хвост, виляющий собакой: Как актуальное настоящее формирует изменчивое прошлое. Несбывшееся конструирование прошлого: Места памяти, не поддающиеся «реконструкции». Гефтер. <https://gefter.ru/archive/16776>
- Русанов, А. (2019). Medievalism studies: Как изучается «современное Средневековье». *Vox medii aevi*, 2, 12–42. <https://doi.org/10.24411/2587-6619-2019-00009>
- Савицкий, Е. (2015). «Новый медиэвализм» четверть века спустя. *Новое литературное обозрение*, 5, 346–354.
- Савицкий, Е. (2016). Preposterous History: Анахроничное Средневековье на рубеже XX – XXI веков. *Социология власти*, 28(2), 62–77.
- Сандомирская, И. И. (2020). Ретротопия: Пост-память и «реакционный выбор прошлого». *Koinon*, 1(1-2), 164–179. <https://doi.org/10.15826/koinon.2020.01.1.2.008>
- Семенова, М. (1995). *Волкодав*. АСТ.
- Стругацкий, А., & Стругацкий, Б. (1962). Попытка к бегству. В К. Андреев (Ред.), *Фантастика 1962* (с. 146–261). Молодая гвардия.
- Стругацкий, А., & Стругацкий, Б. (1964). Трудно быть богом. В А. Стругацкий & Б. Стругацкий (Ред.), *Далекая Радуга* (с. 137–327). Молодая гвардия.
- Утц, Р. (2018). Дивные новые медиэвализмы? *Неприкосновенный запас*, 1, 164–172.
- Филиппов, И. (2014). О понятии «Средние века» и его содержании. *Исторический журнал*, 4, 471–484. <https://doi.org/10.7256/2222-1972.2014.4.14114>
- Филюшкин, А. И. (2017, декабрь 4). Как нам привлечь Ивана Васильевича Невского. «Историк-диагност», «ноосфера» и «героические мифы» прошлого. *Нарративы прошлого и будущего в России*. Гефтер. <https://gefter.ru/archive/23407>
- Филюшкин, А. И. (2018). Медиэвализм: Почему нам сегодня нужны средние века? *Историческая экспертиза*, 4, 153–162. <https://doi.org/10.31754/2409-6105-2018-4-153-162>
- Филюшкин, А. И. (2022). Почему в современном мире будущее заменяют прошлым: История возвращается? *Международная аналитика*, 13(3), 16–29. <https://doi.org/10.46272/2587-8476-2022-13-3-16-29>

- Хапаева, Д. (2018, май 4). Неомедиевализм плюс ресталинизация всей страны! Гефтер. <https://gefter.ru/archive/24843>
- Хаустова, А. (2022, ноябрь 9). Обратная сторона ретропии. Spectate. <https://spectate.ru/retrotopia/>
- Хикс, Дж. (2003). Теория экономической истории. Издательство «Вопросы экономики».
- Шапинская, Е. Н. (2022). Ретропия в (пост)современной массовой культуре. Культурный код, 3, 49–61. <https://doi.org/10.36945/2658-3852-2022-3-49-61>
- Яцък, С. (2019). Стоять на глыбе слова «медиевализм». *Vox medii aevi*, 2, 43–47. <https://doi.org/10.24411/2587-6619-2019-00010>

References

- Alaev, L. B. (2009). Medieval deadlock. *Middle Ages*, 70(1–2), 77–81. (In Russian).
- Androsova, Ya. S. (2022). Medievalism as a form of memory politics in contemporary Europe. *Rossiyskiy zhurnal issledovaniy natsionalizma*, 1–2, 4–12. (In Russian).
- Bauman, Z. (2017). *Retropia*. Polity.
- Benoist, A. (2013, January 20). *Brève histoire de l'idée de progrès [A Brief History of the Idea of Progress]*. <https://www.alaindebenoist.com/2013/01/20/breve-histoire-de-lidee-de-progres/> (In French)
- Bintley, M. D. J. (2017). Beacons of Belief: Seasonal Change and Sacred Trees in Britain from Prehistory to the Later Middle Ages. In M. D. J. Bintley, M. Locker, V. Symons, & M. Wellesley (Eds.), *Stasis in the Medieval West?* (pp. 27–45). Palgrave Macmillan US. https://doi.org/10.1057/978-1-137-56199-2_2
- Birkett, T. (2017). Stitched Up? Cynewulf, Authorial Attribution and Textual Stasis in Anglo-Saxon England. In M. D. J. Bintley, M. Locker, V. Symons, & M. Wellesley (Eds.), *Stasis in the Medieval West?* (pp. 107–125). Palgrave Macmillan US. https://doi.org/10.1057/978-1-137-56199-2_6
- Boulton, M. (2017). Art History in the Dark Ages: (Re)considering Space, Stasis, and Modern Viewing Practices in Relation to Anglo-Saxon Imagery. In M. D. J. Bintley, M. Locker, V. Symons, & M. Wellesley (Eds.), *Stasis in the Medieval West?* (pp. 69–86). Palgrave Macmillan US. https://doi.org/10.1057/978-1-137-56199-2_4
- Boytsov, M. A. (2019). Middle Ages-in “Reality” or Only in our Consciousness? *Vox Medii Aevi*, 2, 169–178. <https://doi.org/10.24411/2587-6619-2019-00019> (In Russian).
- Byazrova, D. B. (1999). The problem of progress in social philosophy of the 20th century. *Philosophy and Society*, 4, 110–122. (In Russian).
- Carroll, S. (2017, November 28). *Race in A Song of Ice and Fire: Medievalism Posing as Authenticity*. The Public Medievalist. <https://publicmedievalist.com/race-in-asoif/>
- Dinshaw, C. (2012). *How Soon Is Now?: Medieval Texts, Amateur Readers, and the Queerness of Time*. Duke University Press. <https://doi.org/10.1515/9780822395911>
- Ershov, Yu. G. (2022). The Ideological Myth in a Society of Thwarted Westernization. *Koinon*, 3(2), 9–25. <https://doi.org/10.15826/koinon.2022.03.2.013> (In Russian).
- Filippov, I. (2014). On the concept of “Middle Ages” and its content. *History Magazine: Researches*, 4, 471–484. <https://doi.org/10.7256/2222-1972.2014.4.14114> (In Russian).

- Filyushkin, A. I. (2017, December 4). *How do we attract Ivan Vasilyevich Nevsky. "Historian-diagnostician", 'noosphere' and 'heroic myths' of the past. Narratives of the past and future in Russia.* Gefter. <https://gefter.ru/archive/23407> (In Russian).
- Filyushkin, A. I. (2018). *Medievalism: Why Do We Need in the Middle Ages Today? Historical Expertise*, 4, 153–162. <https://doi.org/10.31754/2409-6105-2018-4-153-162> (In Russian).
- Filyushkin, A. I. (2022). *Why in the Modern World the Future is Replaced by the Past: Is History Coming Back? Journal of International Analytics*, 13(3), 16–29. <https://doi.org/10.46272/2587-8476-2022-13-3-16-29> (In Russian).
- Finn, K. (2019, May 16). *Game of Thrones is Based in History: Outdated History.* The Public Medievalist. <https://publicmedievalist.com/thrones-outdated-history/>
- Gurevich, A. Ya. (1970). *Problems of the Genesis of Feudalism in Western Europe.* Visshaya shkola. (In Russian).
- Gurevich, A. Ya. (2002). *The Middle Ages as a type of Culture.* In V. V. Ivanov (Ed.), *Anthropology of Culture* (Issue 1, pp. 39–55). Ob"edinennoe gumanitarnoe izdatelstvo. (In Russian).
- Heck, G. W. (2006). Chapter 1 *Medieval Christian Europe in Stasis.* In G. W. Heck, *Charlemagne, Muhammad, and the Arab Roots of Capitalism* (pp. 13–40). Walter de Gruyter. <https://doi.org/10.1515/9783110202830.113>
- Herman, M. (2017). *The More Things Change, the More They Stay the Same: Decorative Continuity in Early Anglo-Saxon England.* In M. D. J. Bintley, M. Locker, V. Symons, & M. Wellesley (Eds.), *Stasis in the Medieval West?* (pp. 47–68). Palgrave Macmillan US. https://doi.org/10.1057/978-1-137-56199-2_3
- Hicks, J. (2003). *Theory of economic history.* Voprosy ekonomiki Publishing House. (In Russian).
- Howard, R. (1932). *The Phoenix on the Sword.* *The World of Robert E. Howard.* <https://reh.world/stories/the-phoenix-on-the-sword/>
- Howard, R. (1938). *The Hyborian Age.* LANY Cooperative Publications.
- Ionov, A. (2018, July 10). *The future used to be better! How the belief in a bright tomorrow was replaced by nostalgia.* Mir Fantastiki. <https://www.mirf.ru/worlds/svetloe-buduschee-nostalgiya> (In Russian).
- Khapaeva, D. (2018, May 4). *Neo-Medievalism plus the restalinization of the whole country!* Gefter. <https://gefter.ru/archive/24843> (In Russian).
- Khaustova, A. (2022, November 9). *The reverse of retrotopia.* Spectate. <https://spectate.ru/retrotopia/> (In Russian).
- Koposov, N. E. (2022). *Retropolitics, or: Historical Memory, Democracy and Populism.* *Koinon*, 1(1-2), 144–163. <https://doi.org/10.15826/koinon.2020.01.1.2.007> (In Russian).
- Kudryashov, I. (2024, July 24). *How to create a medieval setting.* Mir Fantastiki. <https://www.mirf.ru/worlds/kak-sozdat-srednevekovyj-setting> (In Russian).
- Kyrchanoff, M. V. (2021). *Medievalism: The Invention of Tradition (Multiple Medievalisms of Intellectual History of the 19th - 21st Centuries: From Literary "Classics" to Mass Culture.* Rhythm. (In Russian).
- Kyrchanoff, M. V. (2022a). *(De)Construction of the Historical Narration of Modern American Medievalism: The "Invention" of the Social and Political History of the Seven Kingdoms of Westeros.* *Modern Studies of Social Issues*, 14(3), 48–73. <https://doi.org/10.12731/2077-1770-2022-14-3-48-73> (In Russian).

- Kyrchanoff, M. V. (2022b). Imitation and Simulation of the Medieval Narrations in Modern Medievalism: Features of the Structure and Its (De)Construction. *Modern Studies of Social Issues*, 14(3), 14–47. <https://doi.org/10.12731/2077-1770-2022-14-3-14-47> (In Russian).
- Kyrchanoff, M. W. (2018). Historical grand narratives of the Seven kingdoms of Westeros: From invention to deconstruction of a traditional medieval historiography. *Journal of Frontier Studies*, 1, 17–46. <https://doi.org/10.24411/2500-0225-2018-00002>
- Le Goff, J. (2001). In support of the long medievalism. In *The medieval world of the imaginary* (pp. 31–38). Progress. (In Russian).
- Le Guin, U. K. (1968). *A Wizard of Earthsea*. Parnassus Press.
- Locker, M. (2017). There and Back Again: Creating the Pilgrimage Experience in Text. In M. D. J. Bintley, M. Locker, V. Symons, & M. Wellesley (Eds.), *Stasis in the Medieval West?* (pp. 143–153). Palgrave Macmillan US. https://doi.org/10.1057/978-1-137-56199-2_8
- Martin, G. (1996). *A Game of Thrones*. Bantam Spectra – Voyager Books.
- Martin, G. (2018). *Fire and Blood*. Bantam Books.
- Martin, G., Antonsson, L., & Garcia, E. (2014). *The World of Ice & Fire: The Untold History of Westeros and the Game of Thrones*. Harper Voyager.
- Molitvin, P. (1995). *Companions of Volkodav*. ABC – Terra. (In Russian).
- Moorcock, M. (1979). *Warriors of Mars*. Daw Books.
- Morin, J. S. (2015, June 16). *Medieval Stasis: Why is Fantasy Trapped in the Past*. J.S. Morin. <https://www.jsmorin.com/2015/06/medieval-stasis/>
- North, R. (2017). Sleeping Dogs and Stasis in The Franklin's Tale. In M. D. J. Bintley, M. Locker, V. Symons, & M. Wellesley (Eds.), *Stasis in the Medieval West?* (pp. 205–230). Palgrave Macmillan US. https://doi.org/10.1057/978-1-137-56199-2_11
- Norton, A. (1970). Long Live Lord Kor! *Worlds of Fantasy*, 1(2), 50–72.
- Oleinikov, A. (2021a, April 26). *Modern historicity and the politics of time*. Liberal Mission. <https://liberal.ru/authors-projects/sovremennaya-istorichnost-i-politika-vremeni> (In Russian).
- Oleinikov, A. (2021b, July 2). *Other Presentism*. Liberal Mission. <https://liberal.ru/authors-projects/drugoj-prezentizm> (In Russian).
- Podvoisky, D. (2015, November 3). *The Tail Wagging the Dog: How the Actual Present Shapes a Changeable Past. The Unfulfilled Construction of the Past: Places of Memory that cannot be “reconstructed”*. Gefter. <https://gefter.ru/archive/16776> (In Russian).
- Rusanov, A. (2019). Medievalism Studies: How are the “Modern Middle Ages” Studied? *Vox Medii Aevi*, 2, 12–42. <https://doi.org/10.24411/2587-6619-2019-00009> (In Russian).
- Sandomirskaya, I. I. (2020). Retrotopia: Post-Memory and a ‘Reactionary Choice of the Past’. *Koinon*, 1(1–2), 164–179. <https://doi.org/10.15826/koinon.2020.01.1.2.008> (In Russian).
- Savitskii, E. (2015). “New Medievalism” a quarter of a century later. *New Literary Review*, 5, 346–354. (In Russian).
- Savitskii, E. (2016). Preposterous History: Anachronistic Middle Ages at the Turn of the XX–XXI centuries. *Sociology of Power*, 28(2), 62–77. (In Russian).
- Semyonova, M. (1995). *Volkodav*. AST. (In Russian).

- Shapinskaya, E. N. (2022). Retrotopia in (Post)Comtemporary Culture. *Cultural Code*, 3, 49–61. <https://doi.org/10.36945/2658-3852-2022-3-49-61> (In Russian).
- Shapland, M. (2017). The House of Stilled Time: Stasis and Eternity in Anglo-Saxon Churches. In M. D. J. Bintley, M. Locker, V. Symons, & M. Wellesley (Eds.), *Stasis in the Medieval West?* (pp. 127–141). Palgrave Macmillan US. https://doi.org/10.1057/978-1-137-56199-2_7
- Stasheff, Ch. (1969). *The Warlock in Spite of Himself*. Ace Books.
- Strugatsky, A., & Strugatsky, B. (1962). An attempt to escape. In K. Andreev (Ed.), *Fiction 1962* (pp. 146–261). Molodaya gvardiya. (In Russian).
- Strugatsky, A., & Strugatsky, B. (1964). It's hard being a god. In A. Strugatsky & B. Strugatsky (Eds.), *Faraway Rainbow* (pp. 137–327). Molodaya gvardiya. (In Russian).
- Sturtevant, P. B. (2014, August 21). *American Medieval*. The Public Medievalist. <https://publicmedievalist.com/american-medieval/>
- Sturtevant, P. B. (2018, May 22). *The Middle Ages in Popular Imagination*. The Public Medievalist. <https://publicmedievalist.com/ma-popular-imagination/>
- Sylvester, L. (2017). Dress, Fashion, and Anti-Fashion in the Medieval Imagination. In M. D. J. Bintley, M. Locker, V. Symons, & M. Wellesley (Eds.), *Stasis in the Medieval West?* (pp. 253–270). Palgrave Macmillan US. https://doi.org/10.1057/978-1-137-56199-2_13
- Symons, V. (2017). Set in Stone or Food for Worms: The Stasis of Writing in the Exeter Book Riddles. In M. D. J. Bintley, M. Locker, V. Symons, & M. Wellesley (Eds.), *Stasis in the Medieval West?* (pp. 87–105). Palgrave Macmillan US. https://doi.org/10.1057/978-1-137-56199-2_5
- Symons, V., Wellesley, M., & Bintley, M. D. J. (2017). Introduction: Stasis in the Medieval West? Questioning Change and Continuity. In M. D. J. Bintley, M. Locker, V. Symons, & M. Wellesley (Eds.), *Stasis in the Medieval West?* (pp. 1–26). Palgrave Macmillan US. https://doi.org/10.1057/978-1-137-56199-2_1
- Thomson, S. C. (2017). Configuring Stasis: The Appeal to Tradition in the English Reign of Cnut the Great. In M. D. J. Bintley, M. Locker, V. Symons, & M. Wellesley (Eds.), *Stasis in the Medieval West?* (pp. 179–204). Palgrave Macmillan US. https://doi.org/10.1057/978-1-137-56199-2_10
- Utz, R. (2017). *Medievalism: A Manifesto*. Amsterdam University Press. <https://doi.org/10.1515/9781942401032>
- Utz, R. (2018). Divine new medialisms? *Neprikosnovenniy Zapas*, 1, 164–172. (In Russian).
- Utz, R. (2019). Medievalism: Whence and Whither? *Vox Medii Aevi*, 2, 48–51.
- Vasiliev, L. S. (2007). *General History: Vol. 2. East, West and Middle Ages*. KDU. (In Russian).
- Verduin, K. (2009). The Founding and the Founder: Medievalism and the Legacy of Leslie J. Workman. In K. Fugelso, C. A. Simmons, D. R. VanBenthuyzen, E. Haymes, E. Emery, E. Walker Heady, G. Orgelfinger, G. Morgan, K. Verduin, M. J. Toswell, M. B. Spencer, N. H. Petersen, T. Shippey, & W. Wunderlich (Eds.), *Studies in Medievalism XVII* (pp. 1–27). Boydell and Brewer. <https://doi.org/10.1515/9781846157639-002>
- Wilson, J. R. (2019). *Historicizing Presentism: Toward the Creation of a Journal of the Public Humanities*. MLA Profession. <https://profession.mla.org/historicizing-presentism-toward-the-creation-of-a-journal-of-the-public-humanities/>
- Yatsik, S. (2019). To Stand on the Rock of the Word “Medievalism”. *Vox Medii Aevi*, 2, 43–47. <https://doi.org/10.24411/2587-6619-2019-00010> (In Russian).